
ПУБЛИКАЦИИ

Б.Ф. Егоров

**МОЙ СПОР
С Ю.М. ЛОТМАНОМ О ПУШКИНЕ
И УЧАСТИЕ Г.М. ФРИДЛЕНДЕРА**

Моя статья «О Ю.М. Лотмане-пушкинисте» имеет непростую историю. Когда завершилась серия книг ученого о Пушкине (начиналась она с изданного в Тарту спецкурса об «Евгении Онегине» 1975 г. и потом в 1980–1983 гг. закончилась ленинградскими, в «Просвещении», «Биографией писателя» и Комментарием к «Евгению Онегину», обе книги вышли двумя изданиями), мне захотелось отметить это событие серьезной рецензией, тем более что впереди, в 1987 г., предвиделся юбилей (65 лет) автора. К середине 1986 г. я статью закончил и прежде всего послал Юрию Михайловичу для оценки. Он ответил в октябре 1986 г. интереснейшим письмом, одобряющим рецензию, несмотря на наш существенный спор.

Я послал свой текст с приложением лотмановского письма в журнал «Русская литература», где, как обычно, послали его на отзыв – в данном случае Г.М. Фридлендеру. В целом он одобрил мой текст, но сделал так много, как он считал, необходимых исправлений и дополнений, что предложил соавторство. Я уважал талант и эрудицию Георгия Михайловича, но все же без колебаний отказался и забрал рецензию. В его дополнениях не было какой-то корректировки структурно-семиотического фона Лотмана (тем более что рецензируемые пушкинские книги не давали пищи для антиструктуралистских размышлений), однако содержание вставок все равно было довольно далеко от моего метода и стиля, а иногда поправки казались мне просто синонимическими вариантами. Г.М. Фридлендеру хотелось подчеркнуть учебный характер

книг, я же был уверен, что Лотман ориентировался на широкие массы читателей. Мне очень не хотелось такого соавторства.

Время шло, в 1993 г. скончался Ю.М. Лотман. Н.Н. Скатов, тогда директор Пушкинского Дома и руководитель «Русской литературы», решил как-то отметить в журнале уход выдающегося литературоведа и обратился ко мне: не могу ли я дать в «Русскую литературу» что-нибудь лотмановское. Я сразу вспомнил про свою рецензию, предложил ее, редколлегия приняла, и вот она появилась в журнале под общим заглавием «О Ю.М. Лотмане-пушкинисте» и в трех разделах: кратком предисловии, основном тексте «Книги Ю.М. Лотмана о Пушкине» и письме Ю.М. Лотмана ко мне от октября 1986 г. («Русская литература», 1994, № 1. С. 227–235).

Из деликатности я не стал раскрывать историю рецензии, ограничившись туманной фразой. Кажется, Г.М. Фридлендер не возразил в 1994 г. против публикации рецензии в первоизданном, без его поправок, виде.

Ниже представлена статья-публикация со включением в нее основной части поправок и добавок Г.М. Фридлендера (обильные мелкие исправления не приводятся). Мой текст дается обычным шрифтом (курсив лишь в сносках), современные мои пояснения – жирным шрифтом, текст Георгия Михайловича – курсивом, а зачеркнутое им заключено в квадратные скобки.

ПАМЯТИ Ю.М. ЛОТМАНА

Б.Ф. Егоров

О М.Ю. Лотмане-пушкинисте

Время бежит быстро. Совсем недавно, летом 1986 г., я хотел к 65-летию Ю.М. Лотмана опубликовать статью-рецензию на две известные его книги о Пушкине, а уже прошло с тех пор почти десятилетие и уже ушел из жизни автор книг. Статью я готовил для «Русской литературы», но по некоторым причинам она не была тогда напечатана. Считаю нелишним ознакомить с ней читателя и сейчас, тем более что она послужила поводом к замечательному письму Ю.М. Лотмана: я, как только написал рецензию,

тотчас послал ему ее на «апробацию», и он вскоре ответил этим письмом, где подробно разъяснил свое понимание так называемого «жизнестроительства» Пушкина.

Откровенно скажу, ответ не поколебал моего мнения, но это и не столь важно, письмо ценно подробной трактовкой благоговейного отношения Ю.М. Лотмана к пушкинскому противостоянию неблагоприятным обстоятельствам, к мужественной борьбе с ними. Наверное, здесь таится объяснение той постоянной, почти со студенческих лет, тяги ученого к жизни и творчеству Пушкина. Ю.М. Лотман опубликовал около десяти фундаментальных работ о Пушкине, не считая многих более мелких статей и заметок: он изучал поэзию, прозу, драматургию, публицистику, письма Пушкина, реконструировал незавершенные замыслы поэта, прослеживал его связи с западноевропейской культурой и с русским православием, вживался в биографию любимого писателя.

Смею предположить, что такое многолетнее повышенное внимание к Пушкину, не сравнимое ни с какими другими объектами научных работ, коренится в глубоко личном отношении исследователя к писателю, в глубоко личной привязанности. Дело не только в преклонении перед гением Пушкина как художника и человека, но и в собственном жизнестроительстве: Ю.М. Лотман всегда в своем пути по жизни и науке, при постоянных нравственных коллизиях, вызванных сложностями нашего общества, при постоянной проблеме выбора оглядывался на Пушкина, делая его ориентиром и идеалом. А тут возникала и некая обратная связь: свое суровое жизнестроительство Ю.М. Лотман невольно отражал на понимании, на истолковании Пушкина, несколько преувеличивая интенцию, сознательную направленность разнообразных усилий Пушкина на его пути.

В гуманитарных науках невозможно создать чисто объективные тексты: личность ученого в большей или меньшей мере всегда отразится на интерпретации объекта. В этом заключается не только недостаток, но и глубинная прелесть гуманитарных трудов: конечно, если ученый сам крупная и оригинальная личность.

Прилагаю мою статью-рецензию и ответ Ю.М. Лотмана. Думаю, он не возражал бы против такой публикации, хотя в письме и подчеркивал, что пишет только для меня.

КНИГИ Ю.М. ЛОТМАНА О ПУШКИНЕ*

(Вместо двух первых абзацев) Учащиеся и учителя советской средней школы остро нуждаются в пособиях, которые были бы написаны на уровне требований современной науки. Без создания таких пособий невозможна подлинная, глубокая перестройка сложившейся практики преподавания литературы в школе, соответствующая духу совершающихся в нашей стране величественных революционных преобразований. Вот почему нельзя не приветствовать каждого случая, когда крупный ученый находит время и способности для того, чтобы обратиться к созданию книг о русской классике, адресованных непосредственно к учащимся и учителям средней школы и являющихся в то же время образцом строгого, точного и в то же время выразительного научного изложения. К таким книгам нельзя не отнести успешных уже завоевать широкую популярность и по достоинству высоко оцененных нашей научной общественностью двух работ Ю.М. Лотмана: «Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя» и комментарий к роману Пушкина «Евгений Онегин». Написанные крупным, самобытно мыслящим ученым, книги эти созданы на основе длительных углубленных занятий автора биографией и творчеством поэта, отраженных в его многочисленных ценных пушкиноведческих исследованиях, и имеют ярко выраженный концептуальный характер. Поэтому, предназначенные прежде всего школе, они содержат немало новых, ценных и оригинальных мыслей и наблюдений, обогащающих наше пушкиноведение в целом.

[Наверное, данная рецензия является самой запоздалой из всех появившихся (рецензенту известны 16 печатных отзывов на первую книгу и шесть – на вторую), но так как материалы книг постоянно включаются в современную литературоведческую жизнь, до сих пор в журналы поступают письменные отклики читателей, книги переводятся на другие языки (биография Пушкина выходит на эстонском, польском, немецком, чешском языках; в чешское издание включены также первая часть «Комментария» и еще брошюра об «Евгении Онегине», выпущенная Ю.М. Лотманом ранее)¹, отзыв на труды известного пушкиниста не будет несвоевременным, к тому же в нем можно, хотя бы частично, подвести итоги длительному обсуждению книг в печати.

Успех книг поистине небывалый: биография Пушкина в двух изданиях вышла миллионным (!) тиражом (600 тыс. + 400 тыс. экз.), а комментарий к «Евгению Онегину» – более чем полумиллионным (150 тыс. + 400 тыс. экз.). Но хотел бы я встретить человека, который видел эти книги спокойно лежащими на прилавках магазинов: они немедленно раскупались при появлении. Это лишний пример к опровержению появляющихся иногда уныло-скептических вздохов: «Литературоведов теперь не читают!» (аналогично репликам: «Поэзия ныне не пользуется успехом» и т.п.). Хорошие книги всегда читают. Попробуйте достать в магазине книги Д.С. Лихачёва или А.Ф. Лосева! То же можно сказать и о работах Ю.М. Лотмана: они раскупаются «на корню». Здесь магнит имени широко известного литературоведа, притягивающий к себе внимание читателей, скрестился с растущим ежегодно интересом к истории культуры. А когда человечество в текущем десятилетии впервые ощутило на краю разверзающейся пропасти, что за ней, в случае военной катастрофы, последует лишь вечная черная ночь, оно еще более напряженно и с еще большей надеждой обернулось назад, не только разбираясь в причинно-следственной путанице исторических дорог, приведших к нашим дням, но и ища в прошлом общественно-нравственные опоры, ища примеры, помогающие выстоять в невероятно трудном пути к тому живому, солнечному будущему, которого так всем хочется. Пушкин – одно из самых светлых, благородных явлений, внушающих доверие к жизни и к ее поступательному ходу, поэтому интерес и к его творчеству, и к его житейской биографии растет и углубляется. Рецензируемые книги Ю.М. Лотмана лишь частично утоляют читательский голод.]

В первой книге – *биографии Пушкина* – [автор] на весьма тесной, предоставленной ему издательством «Просвещение» площади (12 печатных листов, около 250 страниц небольшого формата) [смог показать очень много. В книгу введено (без злоупотребления, без перебора) немалое количество фактов из жизни гения и из жизни его эпохи, попутно же, по ходу повествования даются краткие] *автор умело воспользовался ею для того, чтобы до предела насытить книгу фактическим материалом и в то же время подчинить развертывание своего повествования острой и углубленной исследовательской мысли. На первых ее страницах даются*

краткие, но всегда четкие и содержательные характеристики лиц[ам] из окружения Пушкина (родители, организаторы Лицея, старшие товарищи: *Н.И. Тургенев, П.Я. Чаадаев* и т.д. [– десятки имен!]), *Искусно и тонко* описываются города и здания, литературные и житейские моды, *характерные для эпохи* хозяйственные операции и психологические извивы. [...] Все это было бы интересно и само по себе, ибо свидетельствует о великолепной эрудиции автора, – *одновременно крупного историка и филолога*, – знающего значительно больше, чем он это излагает на бумаге (а это всегда заметно!). Но одной эрудицией в наш век трудно удивить. Главная ценность лотмановской биографии Пушкина (как [, впрочем,] и [более специфического] комментария к «Евгению Онегину») – осмысление фактов, приведение их в *целостную систему*.

[Прежде всего,] *Обе книг[а]и пронизан[а]ы историзмом. (...)* Любопытно, что Введение к [книге] «*Биографии писателя*» посвящено не изложению метода, [с] которым исследователь [приступает к] *руководствовался* в работе (замечания методологического свойства растворены [по] в разны[м]х глава[м]х), не спору с предшественниками и *даже* не рассказу о предках Пушкина [, а]. *Оно содержит более важный для учителя и для всякого, кто хочет глубоко войти в мир поэта (,)* материал – историческ[ому]ий очерк[у] России и Европы первой четверти XIX века, сжат[ому]ый [изложению] *рассказ об* основных чертах общественной жизни эпохи, особенно же – об Отечественной войн[ы]е 1812 года и декабризм[а]е. Историзмом пропитан и весь текст книги: он чувствуется в описаниях лиц, событий, в *характеристике* романтического метода, реалистических новшеств... А историч[н]еское понимание художественного метода и *литературной позиции писателя* дает возможность объяснить особенности пушкинского поведения, как и особенности [некоторых загадочных] *тех* сфер из его жизни и творчества, *которые до сих пор вызывают часто горячие споры как неразгаданные до конца.* [Например,] *Так,* Ю.М. Лотман [весьма] остроумно разрешает старый спор литературоведов о предмете «тайной» и «неразделенной» любви поэта, упоминаемом в стихах и письмах периода южной ссылки: в книге [убедительно доказана] *высказана гипотеза, что здесь присутствует немалый элемент* жизнен[ая]ой и литературн[ая]ой

мистификации[я]и, [проводившаяся Пушкиным согласно] условности, соответствующей романтическим канонам...

Но когда в Историю включается выдающаяся личность, то далеко не всегда между ними возникает гармония; вспомним поразительную строку Пушкина: «Что в мой жестокий век восславил я свободу». Одна из прекрасно разработанных в книге тем – Дом в жизни и творчестве Пушкина (отсутствие настоящего чувства дома в раннем детстве, замена его в лицейском братстве, мощные усилия зрелого человека создать свой собственный Дом и т.д.). Так как собственный Дом Пушкин организовал уже в реалистическую пору своей жизни, то, как хорошо показано в книге, он сознательно допускал его связь с Историей: «Это святилище человеческого достоинства и звено в цепи исторической жизни. Это крепость и опора в борьбе с булгаринами, это то, что недоступно (как думает Пушкин) ни царю, ни Бенкендорфу, – место, где человек встречается с любовью, трудом и историей» (с. 177). Однако «жестокий век» не остановился на той роли, которую ему в своих идеалах уготовил Пушкин, он нагло вломился в Дом, разрушил его и взял жизнь Поэта, пытавшегося в одиночку защитить свой Дом (несколько лет назад, защищая – тоже в одиночку – личное и государственное достоинство, героически погиб в схватке с фанатической толпой Грибоедов).

Здесь сознание рецензента невольно переключается на вторую главенствующую, системную идею Ю.М. Лотмана, проведенную сквозь всю книгу: мысль о сознательном «жизнестроительстве» Пушкина. Эта тема уже была предметом обсуждений на конференциях и диспутах, она присутствует в письмах-откликах читателей книги, посылаемых в издательство и в литературоведческие журналы; не остались в стороне и рецензенты-профессионалы. Вообще, книга Ю.М. Лотмана, наряду с единогласно уважаемыми и даже восторженными отзывами в целом, вызвала много споров, много замечаний. Рецензенты уточняли, дополняли конкретные положения автора, иногда обнаруживали ошибки² но, пожалуй, больше всего полемики было вокруг «жизнестроительства» Пушкина. Автор задался целью доказать, что поэт в течение всей своей жизни сознательно творил свою биографию, свой характер, свое поведение: «Жить в постоянном напряжении страстей было для Пушкина не уступкой темпераменту, а сознательной и

программной жизненной установкой» (с. 43); Пушкин создал «не только совершенно неповторимое искусство слова, но и совершенно неповторимое искусство жизни» (с. 55); «Пушкин всегда строил свою личную жизнь...» (с. 117).

Эта совсем не тривиальная идея Ю.М. Лотмана нашла сочувственный отклик у ряда рецензентов³ в то время как другие более или менее решительно ее оспорили⁴ некоторые рецензенты, принимая идею автора в целом, тем не менее отмечают в качестве недостатка «искусственное приписывание Пушкину четко определенных, конкретных мыслей и мотивов поведения»⁵ или склонность «недооценивать тот, чисто индивидуальный, стихийный, если угодно, случайный момент, который органически присущ самой жизни»⁶ Сразу же оговорюсь, что я согласен с решительными противниками идеи. Если бы Ю.М. Лотман ограничился романтическим периодом жизни и творчества Пушкина, то тогда бы не было споров: смена различных масок поведения, романтизация жизни, наивно-жестокие нравственные «уроки», которые преподносит Пушкин в письме к брату Льву в 1822 г. (см.: с. 87–88), – все это вполне укладывается в «сознательное» творчество, хотя и здесь, конечно, возможны выпадения, поэтому согласимся с Я. Гординым: «Маловероятно, чтобы Пушкин избрал романтическую позицию для всех аспектов своего существования»⁷.

Что же касается других периодов, да и вообще сути пушкинского характера и поведения, то здесь Ю.М. Лотман чрезмерно категоричен. Правда, он, видимо чувствуя эту категоричность, делает соответствующие оговорки: «Неправильно представлять себе “строительство личности” как сухо рациональный процесс: как и в искусстве, здесь задуманный план соседствует с интуитивными находками и мгновенными озарениями, подсказывающими решение. Вместе это образует ту смесь сознательного и бессознательного, которая характерна для всякого творчества» (с. 86). Но все же автор не отвергает и здесь «задуманного плана», «строительства», «творчества» жизни. Между тем биография каждого человека, в том числе и гения, складывается из такой тьмы случайностей, что они далеко не всегда оставляют место для «творчества» жизни, тут очень часто вступает в силу социально-природная натура личности как решающий регулятор поведения, вне сознательного или бессознательного замысла. Тем более не стоило бы отвергать пуш-

кинский темперамент и отдавать его различные страсти и стихийность в услужение жизненной программе.

Особенно трудно согласиться с концепцией «жизнестроительства» в описании последних месяцев жизни Пушкина; недаром большинство рецензентов, за редким исключением⁸, здесь единодушны в сомнениях или отрицаниях. Прежде всего вызывает возражение итоговая оценка. После прекрасных страниц, где показаны вторжение Истории в Дом Поэта, трагическая борьба его и смерть, вдруг утверждается, что в этих страшных днях «нельзя не обнаружить обдуманную стратегию пушкинского поведения и твердую волю в исполнении задуманного»; более того, подчеркивается, что «Пушкин умирал не побежденным, а победителем» (с. 245). Совершенно невозможно воспринимать трагическую судьбу затравленного человека, Дом которого разрушили, запятнали грязью, от которого отвернулись даже близкие друзья, как «обдуманную стратегию» и как победу. История всегда сильнее отдельного человека, тем более история периода «железного века». В этих условиях (словно в бандитском мире) более уживчивыми, т.е. выживающими, оказываются люди, полностью устранившиеся от общества или, по крайней мере, не обрастающие бытом, семьей, тем более – Домом. Пушкин «наперекор стихиям» решил нарушить это правило и сделал себя крайне уязвимым, ибо Дом больше всего делает человека беспомощным перед Историей. Это страшная трагедия, и лишь исторический катарсис, в котором участвуют и гениальная личность поэта, и его гениальные творения, и замечательные труды о нем, очищает и возвышает наши души и дает возможность согласиться с гением XX в., что, несмотря на трагедию, Пушкин – «веселое имя».

Книга Ю.М. Лотмана обращена к учащимся, к молодежи. И создавая в ней образ Пушкина-«жизнестроителя», автор, можно полагать, в известной мере руководствовался педагогическим пафосом книги. На примере Пушкина Ю.М. Лотман стремился – не без основания – показать, какое значение для всякого – и особенно молодого – человека имеет задача «жизнестроительства», задача формирования своей нравственной личности, развития в себе как высоких гражданско-патриотических, так и высоких этических начал, способности свободно отдаваться всем веляниям жизни и в то же время сохранять свою внутрен-

ную чистоту и свободу, стойко противостоять злу, пошлости, общественной рутине и социальной несправедливости в любых их проявлениях. Но эта руководящая воспитательная идея книги, одухотворяющая ее и придающая ей внутреннюю цельность, проведена автором порою, думается, с некоторой излишней рационалистической заданностью и прямолинейностью, вступающими в противоречие с собственными же его намерениями.

Обидно: книга Лотмана отнюдь не облегчает Историю, она даже, может быть, до предела насыщена изображением трудностей, драм, контрастов (не могу удержаться, чтобы не процитировать один из многочисленных вставных сюжетов: К. Собаньская, «из образованной и знатной семьи, получившая блестящее воспитание, воспетая Мицкевичем, безумно в нее влюбленным, и Пушкиным... состояла любовницей и политическим агентом начальника Южных военных поселений генерала О.И. Витта. Витт, личность, грязная во всех отношениях, лелеял далеко идущие честолюбивые замыслы. Зная о существовании тайного общества... он взвешивал, кого будет выгоднее продать: декабристов правительству или, в случае их победы (что он не исключал), правительство декабристам. Он по собственной инициативе шпионил за А.Н. и Н.Н. Раевскими, М. Орловым, В.Л. Давыдовым и в решительную минуту всех их продал» – с. 103–104), но все противоречия и драмы как бы вынесены за пределы пушкинской души, особенно касательно периода 1830-х годов. Как справедливо заметил Н. Эйдельман, «проблемы внутренней трагедии нет совсем»⁹. Между тем драма ведь не только в жизненных конфликтах Пушкина, но и в трудностях его творческого пути. Поэт в конце жизни находился в сложных поисках новых идей и форм, о чем говорят и стихотворения 1836 г., и во многом загадочная повесть «Дубровский», и черновики задуманных произведений. Ю.М. Лотман остроумно заметил по поводу 1830 г.: «Пушкин ушел настолько далеко вперед от своего времени, что современникам стало казаться, что он от них отстал» (с. 172). Еще с большим основанием это можно было бы применить к последующим годам: современники не понимали «нового» Пушкина! Да что современники: великий Белинский десятилетие спустя все еще прохладно относился к позднему Пушкину, и нужно было новаторство Ап. Григорьева,

чтобы в 1850-х годах по достоинству оценить «Капитанскую дочку».

И что еще противостоит в книге концепции «жизнестроительства» – это прекрасно прослеженная, на многих страницах охарактеризованная тяга Пушкина к риску, к мужественным ситуациям («Есть упоение в бою...»): «...в личном поведении Пушкин “исправлял” теорию жизнью, испытывал неудержимую потребность игры с судьбой, вторжения в сферу закономерного, дерзости. Философия “примирения с действительностью”, казалось, должна в личном поведении порождать самоотречение перед лицом объективных законов, смирение и покорность. У Пушкина же она приводила к противоположному – конвульсивным взрывам мятежного непокорства. Пушкин был смелым человеком» (с. 151). Воистину так!

Значительная часть рецензии ушла на спор по поводу «жизнестроительства», поэтому, к сожалению, почти не остается места для описания выдающихся достоинств книги. Правда, об очень многих уже сказали предшествующие рецензенты. Отметим еще удивительную деликатность автора при анализе темы, труднейшей при учете главного адресата книги (учащиеся средней школы): женщины в жизни Пушкина. Особенно удались Ю.М. Лотману страницы, посвященные А.П. Керн (с. 129–131) и Н.Н. Гончаровой-Пушкиной (с. 192, 197–203).

В книге содержится буквально россыпь метких характеристик и наблюдений, тоже в значительной мере отмеченных рецензентами. Подчеркнем еще проведенную сквозь книгу мысль о трех периодах в выборе Пушкиным друзей: от Лицея до Одессы включительно господствуют старшие по возрасту, в Михайловском усиливается тяга к сверстникам, в 30-е годы появляются младшие товарищи (см.: с. 25–26). И еще интереснейшая особенность книги, указанная сразу двумя рецензентами – А. Арьевым («Самостоянье человека»...) и Ю.Н. Чумаковым (указ. соч., с. 61–62): построение книги напомнило им структуру «Евгения Онегина» (девять глав с определенной динамикой развития; Ю.Н. Чумаков отметил еще и ряд внутренних схождений, например принципы соотношения автора и героя).

Эти ценные наблюдения ведут еще и к утверждению своего рода художественности книги Ю.М. Лотмана: персонажи и очерки

событий образны, живы, язык автора чист, прозрачен, афористичен; книга просто насыщена афоризмами: «Пушкин в их кругу выделяется как ищущий среди наших» (с. 35); «Поступок отнимает свободу выбора» (с. 131); «История проходит через Дом человека» (с. 177); «...ему нравилось течь, как большая река, одновременно многими рукавами... Его на все хватало, и всего ему еще не хватало» (с. 199).

Обращенная к учащемуся книга должна не только сообщать им (так!) необходимые знания, но и служить для них орудием нравственного воспитания, внутреннего подъема. Это всецело относится к биографии великого русского поэта, написанной Ю.М. Лотманом. Его книга вызывает у читателя любовь к Пушкину, законную гордость величием Пушкина – человека, поэта и гражданина. Она поможет учащемуся проникнуть во внутренний мир поэта, ощутить всю глубину его мысли и величие его творческого труда. «Самые тяжелые периоды его жизни светлы», – верно замечает Ю.М. Лотман, говоря о том, что испытанные им гонения не могли духовно сломить ни Пушкина, ни его друзей декабристов (Биография, с. 200). «Пафос культуры во всем богатстве ее исторического существования и пафос духовной значительности отдельного человека» объединяет разнообразные замыслы Пушкина (Биография, с. 227). По Пушкину, «не титулы, ордена, (пропущено “или царская”) милость, а “самостоянье человека” превращают его в историческую личность. Чувство собственного достоинства, душевное богатство, связь с исторической жизнью народа делает его Человеком, достойным войти в Историю» (Биография, с. 177).

Перейдем, однако, ко второй книге, к комментариям к «Евгению Онегину». Здесь в самом начале труда, в заметке «От составителя», четко и сжато объяснены структура книги и принципы создания комментария. Рецензенту хотелось бы подчеркнуть чрезвычайную необходимость подобных пособий. Каждое поколение человечества живет в мире определенных временных, национальных, социальных, региональных культур, воспринимая и создавая духовные ценности, правила поведения, предметы быта, и далеко не все из них прочно закрепляются на века, тем более что меняющийся культурный контекст может совершенно по-иному их трактовать и использовать, не говоря уже о том, что люди определен-

ной эпохи склонны свою духовную и материальную культуру придавать минувшим поколениям. Отсюда так много анахронизмов в художественных произведениях о прошлом, даже о недавнем прошлом. [Я получил письмо от товарища детства, которому подростком пришлось работать на железной дороге во время фашистской оккупации Курской области в 1942 г.: он в хорошем фильме А. Германа «Проверка на дорогах» обнаружил свыше десятка грубых ошибок при изображении поезда периода оккупации. А ведь Герман явно стремился к исторической правде даже в деталях].

С другой стороны, приевшаяся, безвариантная, стандартная обыденность целого ряда предметов духовной и материальной культуры, как правило, не закрепляется современниками в их творческих текстах и может поэтому навсегда исчезнуть из исторической памяти. Историки Древней Руси, например, нигде не смогли обнаружить, ели ли наши предки соленые огурцы.

На этом фоне кажется, что реалистическое произведение по самой сути своей полно реалий духовного и материального свойства. Да, полно, но, во-первых, многие реалии оказываются забытыми или неверно понимаемыми в новом историческом контексте, а во-вторых, писатель-реалист необычайно много реалий выносит «за скобки», надеясь на прекрасную ориентировку современного ему читателя, или ограничивается намеками, опять же понятными лишь некоторым современникам. Следующие же поколения оказываются в трудном положении. Именно реалистическое произведение при переносе в другую историческую или национальную среду больше всего теряет. Так, например, отсутствие в западноевропейских культурах (и, соответственно, в административно-государственной структуре) понятия «чина» в том специфическом значении, которое оно получило в России после Петра I и особенно в Николаевскую эпоху, чрезвычайно затрудняет иностранному читателю понимание природы гоголевской фантастики. Или другой пример: читатель, никогда не бывший в Крыму или в Молдавии, адекватно воспримет «Бахчисарайский фонтан» или «Цыган», но тот, кто никогда не был в Ленинграде (Санкт-Петербурге), не поймет ни «Медного всадника», ни «Белых ночей» Достоевского, ни «Преступления и наказания».

Поэтому именно реалистические произведения требуют особого комментария – не только словарного, но и объясняющего

черты той жизни, которая лежит за текстом. Такой комментарий не может быть прикреплен к какой-либо строчке, а предполагает создание целостных очерков. До сих пор был известен лишь один опыт в этом роде: в 1934 г. издательство «Academia» выпустило отдельным третьим томом замечательный комментарий Г. Шпета к «Посмертным запискам Пиквикского клуба». Однако в дальнейшем опыт этот был предан забвению, и построчный комментарий сделался, по сути, единственным содержанием изданий этого типа. Так, в частности, построена книга Н.Л. Бродского ««Евгений Онегин»». Роман А.С. Пушкина. Пособие для учителей средней школы», в свое время сыгравшая положительную роль и выдержавшая пять изданий (1932–1964), но в настоящее время устаревшая по многим показателям.

Решение Ю.М. Лотмана предварить построчный и словарный комментарий общими картинами жизни онегинской поры опирается, таким образом, на добротный исторический прецедент, хотя между двумя книгами, с точки зрения их построения, имеются глубокие различия, вызванные как несхожестью «Евгения Онегина» и «Пиквикского клуба», так и разницей установок комментаторов. Комментарий Г. Шпета в основном историко-бытовой, комментарий Ю.М. Лотмана, хотя и содержит сведения о быте эпохи, главной целью имеет создание широкой историко-культурной перспективы.

Около 100 страниц книги Ю.М. Лотмана занимает «Очерк дворянского быта онегинской поры». В этом разделе на обширном и, как правило, свежем, прежде не привлекавшемся для этой цели материале, освещены вопросы дворянского хозяйства, образования, службы, воспитания девушек, интерьера и плана помещичьего дома, быта в столице и провинции, развлечений, почтового быта и т.д. Однако весь этот материал тесно связан с духовным миром, нравственными, идейными представлениями. Так, например, в книге подробно рассматриваются нормы и правила русской дуэли. Автор убедительно показывает, что без понимания ряда специфических и довольно тонких аспектов этого вопроса весь эпизод с дуэлью остается непонятным или, что еще хуже, понимаемым превратно. Однако изложение правил дуэли включается автором в более общие рассуждения о нормах поведения человека онегинской среды, о сложности понятия чести. Без знания всего

этого читатель не поймет хода и смысла дуэли (современный читатель часто склонен рассматривать дуэль как простое убийство, в чем он неожиданно сближается с правительственной точкой зрения от Петра I до Николая Павловича). В равной мере автор знакомит нас с бытовым обликом бала и одновременно раскрывает сущность бала как особого культурного ритуала, организовывавшего жизнь той эпохи. Цель этого раздела – ввести читателя в мир пушкинских героев, раскрыть этот мир «изнутри».

Второй из двух основных разделов книги – построчный комментарий – занимает около 300 страниц. Как отмечает Ю.М. Лотман (с. 8), сама природа реалистического текста вводит в повествование большое число реалий, что показывает значительность их роли, а следовательно, невозможность без их понимания осмыслить текст. Поэтому реальный комментарий представлен здесь в значительно большем объеме, чем это делалось до сих пор. С другой стороны, «Евгений Онегин» – произведение, отличающееся сложной структурой текста: намеки, реминисценции, явные и скрытые цитаты, все оттенки смысла от лирики и пафоса до иронии и сарказма составляют самую ткань пушкинского романа в стихах. Постоянная «игра» автора с читателем, имитация непринужденной «болтовни» (выражение Пушкина), а на самом деле тончайшая и сложнейшая авторская работа ставит внимательного читателя, не желающего скользить по поверхности текста, перед необходимостью глубоко задуматься над строками романа. Сама легкость и кажущаяся «понятность» пушкинских строк, то, что мы их помним с детства, может оказаться источником заблуждения. Ю.М. Лотман значительно подробнее, чем это делалось до сих пор, вскрывает сложное переплетение ассоциаций и намеков, пронизывающих пушкинский текст, полемических цитат и реминисценций, иронических отсылок, всего того, что включает содержание и форму «Евгения Онегина» в большой контекст мировой культуры.

Книга об «Евгении Онегине» также вызвала немало сочувственных в целом откликов в печати¹⁰. В то же время некоторые рецензенты (особенно это относится к статье В. Мильчиной и А. Немзера) раскрыли еще ряд неизвестных ранее намеков и скрытых цитат в «Евгении Онегине». Естественно, продолжается исследование текста «Евгения Онегина» и вне прямого рецензирова-

ния, но с учетом книги Ю.М. Лотмана. В этом отношении ценны труды В.С. Баевского, который достаточно убедительно оспаривает «год рождения» Онегина, утверждаемый Ю.М. Лотманом (1795)¹¹, и точную прикрепленность «Онегинского уезда» к Псковской губернии¹²; интересны также комментарии В.С. Баевского к строфе XXIII первой главы романа¹³. Можно лишь порадоваться этой продолжающейся работе. Она – лишнее доказательство «открытости» содержания и метода [лотмановских] книг *Ю.М. Лотмана*, которые являются заметным достижением и нашей учебной литературы, и отечественного пушкиноведения[.]. [которые, надеемся, еще] *Мы уверены, что они* будут переработаны, *еще не раз с пользой для учащихся и для всех ценителей Пушкина* дополнены и переизданы[.]. [но не закроют всех тем и проблем. Наоборот, и биография Пушкина, и жанр комментария к роману в стихах] *И вместе с тем, думается, что они* окажут хорошее стимулирующее воздействие на литературоведов и культурологов в создании *аналогичных по типу* новых трудов [не только] о Пушкине[. но и] о других наших классиках[.], *соответствующих повышенным требованиям нашей эпохи.*

(Получилось: классиках, соответствующих...)

(На этом заканчивается статья-рецензия).

ПИСЬМО Ю.М. ЛОТМАНА К Б.Ф. ЕГОРОВУ

(Тарту, октябрь 1986 г.)

Дорогой Борфед!

Спасибо за рецензию. Рецензия интересная, темпераментная и острая. Очень прошу в ней ничего не менять. Пишу это затем, чтобы Вы не восприняли мои дальнейшие рассуждения как желание откорректировать оценки. Я гораздо большее значение, чем мнению читателей, придаю нашей с Вами договоренности pro domo sua. Итак, пишу лично для Вас.

Я не могу с Вами согласиться в оценке «жизнестроительства» (я, кажется, этого слова не употреблял?) Пушкина. И поскольку Вам и мне этот аспект книги кажется важным, необходимо объяс-

ниться. Конечно, плохо, если по поводу книги следует объясняться, – значит, в ней сказано неясно. Эту вину готов взять на себя. Но и Вы, мне кажется, поняли и отвергли не мою мысль, а свое (не полностью адекватное) ее понимание. Прежде всего. Вы отождествляете представление о сознательной жизненной установке с рационалистическим планом, методически претворяемым в жизнь. А речь идет совсем о другом – о сознательно-волевом импульсе, который может быть столь же иррационален, как и любая психологическая установка.

Один из смыслов замысла моей книги в том, чтобы написать биографию не как сумму внешних фактов (что и когда случилось), а как внутреннее психологическое единство, обусловленное единством личности, в том числе ее воли, интеллекта, самосознания. Я хотел показать, что как мифологический царь Мидас к чему ни прикасался, все обращал в золото, Пушкин все, к чему ни касался, превращал в творчество, в искусство (в этом и трагедия – Мидас умер от голода, пища становилась золотом). Пушкин – я убежден и старался это показать как в этой биографии, так и в других работах – видит в жизни черты искусства (ср. у Баратынского:

*И жизни даровать, о лира,
Твое согласие захотел...*

и тут же: «...поэтического мира огромный очерк я узрел» – представление о поэзии жизни не выдумка, а реальное мироощущение и Пушкина, и Баратынского). А любое художественное создание – борьба замысла и исполнения, логического и внелогического. Не станете же Вы отрицать, что в создании художественного произведения принимает участие замысел – от крайне осознанных формул до спонтанных импульсов? Внешние обстоятельства вторгаются и оказывают «возмущающее» (иногда стимулирующее внутренне подготовленную самим же замыслом эволюцию его) воздействие. Так, Микеланджело, получив от сеньории кусок мрамора, видит, что, вопреки его замыслу, фигуру можно будет сделать лишь сидячей. Жизнь – тот твердый, гранитный материал, который хочет остаться бесформенным куском, сопротивляется ваятелю, грозит убить его, обрушившись на него. А Пушкин – скульптор, торжествующий над материалом и подчиняющий его

себе. Посмотрите сами: ему как бы всю жизнь «везет»: ссылки, преследования, безденежье, запреты... А как приходится говорить студентам? «Пушкин был сослан на юг. Это оказалось исключительно кстати, чтобы спонтанно созревший в нем романтизм получил оформление». Пушкин сослан в Михайловское (он в отчаянии, оборваны все планы и связи, Вяземский совершенно серьезно пишет, что русская деревня зимой – та же крепость и что Пушкин сопьется). А мы говорим (и верно): «Пребывание в Михайловском было счастливым обстоятельством для оформления пушкинского историзма и народности, здесь ему открылся фольклор».

Представьте себя на его месте в Болдинскую осень: перед свадьбой он попал в мышеловку карантин, не знает, жива ли невеста, так как в Москве эпидемия, не знает, будет ли свадьба вообще (денег нет, и ссоры с будущей тещей), сам на переднем краю холеры. А все как будто ему опять повезло.

Стремление не поддаваться обстоятельствам было одним из постоянных пушкинских импульсов. Вот он лежит с разорванными кишками и раздробленным тазом. Боль, видимо, невероятная, но на слова Даля: «Не стыдись боли своей, стоная, тебе будет легче» – отвечает поразительно: «Смешно же, чтобы этот вздор меня пересилил, не хочу...» И это, когда он почти не может говорить от боли. Аренд говорил, что он был в тридцати сражениях и никогда не видел ничего подобного.

Вы поняли дело так, словно борьба и торжество в борьбе с обстоятельствами снимает трагичность, и пишете, что биография Пушкина трагична. Кто же с этим (с трагичностью биографии) спорит? Но бывают трагедии силы и трагедии слабости.

Щеголев со товарищи много вреда наделали: следуя в русле либеральных штампов начала века, они создали миф «поэт и царь» и представили Пушкина замученным интеллигентом. Эти идеи прочно въелись, и все (кроме Абрамович с ее прекрасной книгой) идут по этому легкому пути. И не случайно конец моей книги вызвал наибольшие возражения. Вы это приводите как доказательство правоты оппонентов, а на мой взгляд, лучше всех Пушкина понял не исследователь, а поэт – Булат Окуджава. В его стихотворении «Александр Сергеевичу хорошо, ему прекрасно...» больше понимания личности Пушкина, чем во многих академических трудах, и я полностью разделяю пафос его последних строк:

*Ему было за что умирать
У Черной речки...*

У моей позиции есть и вненаучный пафос: много лет я слышу жалобы разных лиц на обстоятельства. Сколько молодых писателей давали понять, что если бы не цензурные трудности, не издательские препоны, то они показали бы себя. А убери эти трудности – и выясняется, что и сказать-то нечего. Я всегда считал ссылку на обстоятельства недостойной. Обстоятельства могут сломать и уничтожить большого человека, но они не могут стать определяющей логикой его жизни. Все равно важнейшим остается внутренняя трагедия, а не пассивный переход от одного «обстоятельства» к другому. Юный Шуберт заражается сифилисом (случайно!) и погибает. Но не сифилис, а «Неоконченная симфония» – трагический ответ души на «обстоятельства» – становится фактом его внутренней биографии. Я же хотел сделать именно опыт того, что никогда, смею думать, не делалось применительно к Пушкину, – показать внутреннюю логику его пути. А «романтическое жизнестроительство» здесь совершенно побочный термин, который лишь затемняет сущность дела.

Видимо, замысел мне не очень удался.

Но думаю, что именно это и имел в виду Блок, говоря о «легком имени Пушкин» и противопоставляя его угрюмым мучителям и мученикам. Пушкин мне видится победителем, счастливецом, а не мучеником. Ну, хватит, теперь о другом. Перечтите, что он пишет о Грибоедове: «Приехав в Грузию, женился на той, которую любил... Не знаю ничего завиднее последних годов бурной его жизни. Самая смерть, постигшая его посреди смелого, неравного боя, не имела для Грибоедова ничего ужасного, ничего томительного. Она была мгновенна и прекрасна». Ведь это его программа для себя, его идеальный план. А Вы говорите, что плана не было. И царь, и все обстоятельства вынуждали его не драться, а он вышел – один, как Давид на Голиафа, – и победил!

Увлеченные Щеголевым, этого (его пушкинского торжества в момент дуэли – наперекор всему и всем!) не поняли ни Цветаева, ни Ахматова (которая, прости мне, Господи, мои прегрешения! – Пушкина вообще не понимала), а понял Пастернак, который писал, что, по мнению пушкинистов, Пушкин должен был жениться

на Щеголеве и жить до 90 лет. А он избрал жениться «на той, которую любил», и смерть «посреди смелого, неравного боя» (это уже не Пастернак, а я от себя). Это у Пастернака не о Пушкине, но очень хорошо освещает его (Пушкина) последнюю трагедию:

Дай мне подняться над смертью позорной.

С ночи одень меня в тальник и лед.

Утром спусти с мочажины озерной.

Целься, все кончено! Бей меня влет!

(«Рослый стрелок, осторожный охотник...»)

В Харькове, где была конференция по методологии науки, было мало интересного. Зато до этого я семь дней был в Норвегии. Трудно вообразить что-либо более прекрасное, чем тамошняя природа (день поездки по морю и по фиордам – одно из самых сильных впечатлений жизни). День был пасмурный с прояснениями, черные горы, закругленные ледником как большие в трещинах хлеба, стеной выходящие из свинцовой воды и стеной без берега уходящие в какую-то бездонность, падающие с этих стен водопады, многокилометровый, сужающийся фьрд*, переходящий в ущелье. А по стенам этим то здесь, то там деревянные (в Норвегии сыро, и с давних пор стремятся строить из дерева) домики. Сочетание мрачности величественной природы и такой уютности и чистоты крошечных пригодных для жилья мест, как и сочетание мужественности и доверчивой доброжелательности жителей, – поражает. Как они широко и по-детски улыбаются!

В научном (славистическом) отношении – типично для Запада: не очень творчески, но очень информированно (прямо противоположно нашему: очень творчески, но плохо информированно). Приятно поразило, что у всех коллег дома видел тартуские издания или ксерокопии с них, – читают.

Вот, кажется, и (все) наши новости. Приветы Соне, Тане и Кириллу.

Обнимаю Вас.
Ваш Ю.Л.

* Я большую часть недели был в Бергене – западная Норвегия, а там говорят не фиорд и не фьрд, а «ф» и после какой-то один диффузный гласный. Воспроизвести не берусь.

Б.А. Успенский передавал мне какие-то слухи о романе Вашем с Пушдомом. Боюсь сглазить, но не вздумайте отказываться. Это было бы просто преступно.

-
- ¹ Лотман Ю.М. Роман в стихах Пушкина «Евгений Онегин». Спецкурс. Вводные лекции в изучение текста. – Тарту: ТГУ, 1975. – 110 с.
- ² См.: Эйдельман Н. Вклад в пушкиниану // Новый мир. – 1982. – № 6. – С. 256–260; Вацуро В. Биография как творчество // Лит. газ. – 1982. – 15 окт. – С. 5; Устюжанин Д. Жизнь поэта // Литература в школе. – 1983. – № 2. – С. 73; Гордин Я. «Малая биография» и масштаб судьбы // Вопросы литературы. – 1983. – № 5. – С. 232–238; Арьев А. Биография писателя // Нева. – 1984. – № 3. – С. 167. Не со всеми критическими замечаниями можно согласиться. Например, Я. Гордин оспаривает утверждение Ю.М. Лотмана о замене «оппозиции романтических героев-одиночек» (декабристов) силой оппозиции общественного мнения при Николае I: Я. Гордин считает, что и «одиночки» были не такие уж слабые, имея 3000 реальных «штыков», и общественного мнения Николай не боялся, а реальная угроза была в крестьянских бунтах (Гордин Я. Указ. соч. – С. 236). Нет, совсем наоборот: именно дворянской оппозиции и боялся Николай всю жизнь; разрозненные крестьянские бунты ему легче было победить силой оружия, чем растущее умственное движение.
- ³ Вацуро В. Указ соч.; Арьев А. «Самостоянье человека» // В мире книг. – 1983. – № 1. – С. 79; Золотоносов М. 1) [Рец.] // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1983. – Т. 42. – № 4. – С. 392; 2) Мера глубины // Аврора. – 1984. – № 12. – С. 116–121; Чумаков Ю.Н. «Роман без конца...» // Русский язык и литература в киргизской школе. – 1983. – № 5. – С. 61; Браже Т.Г., Леонтьева Е.Г. Его жизнь – произведение его таланта // Вечерняя средняя школа. – 1983. – № 5. – С. 77–79.
- ⁴ Эйдельман Н. Указ. соч.; Устюжанин Д. Указ. соч.; Гордин Я. Указ. соч.
- ⁵ Браже Т.Г., Леонтьева Е.Г. Указ. соч. – С. 78.
- ⁶ Вацуро В. Указ. соч.
- ⁷ Гордин Я. Указ. соч. – С. 234.
- ⁸ См.: Арьев А. «Самостоянье человека».; Гребенникова Л. Тайна гения // Семья и школа. – 1984. – № 1. – С. 54.
- ⁹ Эйдельман Н. Указ. соч. – С. 260.
- ¹⁰ Политковская Л. И учителю, и библиотекарю // Библиотекарь. – 1981. – № 2. – С. 57; Милованова О. Мера историзма // Литература в школе. – 1981. – № 3. – С. 65–67; Браже Т.Г. Комментарий к роману Пушкина // Вечерняя средняя школа. – 1981. – № 4. – С. 79–80; Мильчина В., Немзер А. Роман, который еще может удивить // Вопросы литературы. – 1981. – № 9. – С. 256–264; Нольман М. Путеводитель по «Онегину» // В мире книг. – 1981. – № 12. – С. 61; Varóti Г. (Рец.) // Helikon (Budapest). – 1982. – № 2–3. – С. 436–438. Самая

«сердитая» из этих рецензий – М. Нольмана. В ней есть, можно согласиться, одно справедливое замечание: Ю.М. Лотман в комментарии к первой строке романа («Мой дядя самых честных правил») почему-то не хочет признать ее связь с известной строкой из басни Крылова «Осел и мужик»: «Осел был самых честных правил» (см.: с. 121); эта связь дает великолепные иронические ассоциации. Другие возражения М. Нольмана (якобы Ю.М. Лотман, показывая негативные стороны петровской реформы, становится на позиции славянофилов; якобы автор комментариев неправ, выявляя «перелом» в отношении Пушкина к Онегину в 8-й главе романа, неправ в отказе от поисков жизненных прототипов Татьяны, неправ в некоторых полуиронических корректировках суждений Н.Л. Бродского) сами вызывают на спор: здесь встаешь на защиту позиции Ю.М. Лотмана.

- ¹¹ *Баевский В.С.* Время в «Евгении Онегине» // Пушкин: Исследования и материалы. Т. XI. – Л., 1983. – С. 115–121.
- ¹² *Баевский В.С.* Художественное пространство в «Евгении Онегине» // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1985. – Т. 44. – № 3. – С. 220–221.
- ¹³ *Баевский В.С.* Из разысканий о Пушкине и Лермонтове. «За лес и сало возит нам...» // Там же. – 1983. – Т. 42. – № 5. – С. 464–466.